

**ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ИСТОРИЯ СССР
(Рец. на кн.: Гришаев О. В. Политика партийных и государственных
органов в области институциональной и научной организации
исторического образования и изучения отечественной истории в 1917-м –
середине 1940-х гг. в СССР / О. В. Гришаев. – Воронеж : Издательский дом
ВГУ, 2020. – 370 с.)**

В. Ю. Рылов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 марта 2022 г.

О. В. Гришаев достаточно давно и обстоятельно разрабатывает вопросы изучения советской историографии начального периода. Данная монография является обобщением его предшествующих трудов по указанной проблематике. Автору удачно удалось передать специфику эпохи посредством исследования истории развития исторической науки в СССР в указанный период.

Главным вопросом монографии является тема становления собственно советской историографии, состоящей из нескольких частей, синтезированных в нечто целое, что стало называться уже после указанного периода именно советской историографией. Во время своего становления, как показал автор, при всем видимом единстве историография указанного периода не была однородной: она объединяла представителей дореволюционных направлений (от народников до либералов и консерваторов), различных течений собственно большевизма, а также историков, сформировавшихся уже в послереволюционный период и не имевших предшествующего идейного багажа.

В монографии детально разобраны различные сюжеты, связанные со «школой М. Н. Покровского», доминировавшей в советской историографии до середины 1930-х гг. Указанная школа была разоблачена, в том числе и учениками Покровского. Тем не менее им была создана новая концепция истории России (с. 224), которая в обновленном и исправленном виде легла в основу последующей концепции российской истории, в своей основе существующей и сейчас. О. В. Гришаев отметил, что Покровскому «изменяло чувство историзма» (с. 225). Заметим при этом, что указанное чувство изменяло всей советской историографии – главным образом в стремлении модернизировать события, в частности найти «классовые мотивы»

поведения народных масс и видных исторических деятелей там, где их не было и не могло быть. Покровский вслед за К. Марксом противопоставлял «империю Рюриковичей» (Киевскую Русь) Московии, т. е. русскому централизованному государству (с. 233), в то время как в советской литературе закрепился тезис о преемственности.

Историческая наука в СССР в середине 1920-х гг., по сути, перестала существовать в связи с ликвидацией истфаков и прекращением преподавания истории в школах. Историческая наука разделилась на политическую историю, которой руководила партия через своих историков-партийцев, социально-экономическую историю, заключающуюся в изучении формационных схем и начетнических спорах о формациях, а также историю «материальной культуры», включавшую в себя археологию, этнографию и даже языкознание.

В монографии также рассматривается история постановлений партии, правительства, распоряжений Наркомпроса и иных учреждений, организаций, так или иначе относящихся к исторической науке в СССР. Некоторые из них, например, постановление 1934 г. о возвращении преподавания «гражданской истории» в школах и вузах, вне всякого сомнения, повлияли на развитие советской исторической науки. Насколько другие многочисленные постановления и распоряжения оказали влияние, остается, на мой взгляд, открытым: историческая наука в СССР нащупывала пути своего развития и без указаний сверху.

Как показано автором, значительный объем исследований и публикаций до начала 1930-х гг. составляли работы о «старых большевиках», т. е. истории партии, которая преподавалась как обязательная дисциплина в школах и вузах (с. 210, 211). Однако в середине 1930-х гг. и позднее публикаций о «старых большевиках» стало заметно меньше в связи с репрессиями и чистками. Были ликвидированы обще-

ства «Политкаторжан и ссыльнопоселенцев» и «Старых большевиков» (с. 211). Изучение вопросов истории революционного движения стало более академичным, сместившись в институты АН СССР и вузы.

При этом автор признает, что «самым сложным и противоречивым для советских историков» с середины 1930-х гг. было как раз изучение собственно советской истории и истории партии (с. 258). Этот кажущийся парадокс автор объясняет очевидным образом: «Ряд видных деятелей партии, участников революции и Гражданской войны вообще были выкинуты из истории, что объяснялось “чистками” в партии и репрессиями» (с. 263).

Важным моментом историографии второй половины 1930-х гг., по мнению О. В. Гришаева, была борьба с «фашизацией» науки в связи с приходом к власти национал-социалистов в Германии (с. 216). В частности, в советской литературе разоблачалась «расовая теория». «Фашистских» историков в СССР, конечно, не издавали. Советскому читателю их взгляды были доступны в пересказе советских историков. Но именно в это время с фашистской Италией СССР заключил договор о Дружбе. Столь пристальный интерес к фашизму объясняется не только вопросами внешней политики, но и тем, что фашизм использовал в своей пропаганде идеи о «героическом прошлом» в сочетании с культом национального превосходства (с. 216–217). Собственно говоря, с середины 1930-х гг. то же было и в СССР. После печально известных соглашений СССР с Германией 1939–1940 гг. из публикаций исчезает критика нацистских историков (с. 222), несмотря на то, что «фашистские идеологи» «не скрывали своих притязаний на СССР» (с. 308).

В этой связи следует указать также на разоблачение «национального нигилизма» М. Н. Покровского и его школы, который был разоблачен тем не менее в основном как «антимарксист» (с. 230). Взгляды Покровского, отрицавшего «отечественный» характер войны 1812 г. и перекладывавшего всю вину за развязывание войны на российское дворянство, получили отпор советских историков (с. 237), реабилитировавших термин «Отечественная война» по отношению к войне 1812 г. в 1938–1939 гг., хотя автор об этом прямо не говорит (с. 250–251). В учебнике истории СССР, вышедшем в 1939–1940 гг., «стерженной линией была история русского народа» (с. 269), а не всех народов СССР, как это было прежде. В 1941 г. обозначился еще более сильный поворот в сторону «русского патриотизма» в речах И. В. Сталина (с. 274–275).

Окончательно, по мнению О. В. Гришаева, «национальный нигилизм» был преодолен в 1941–1945 гг., и «к минимуму были сведены проблемы классовой борьбы и революционного движения»

(с. 282), с чем можно согласиться лишь отчасти. В национальных республиках процветал «местный патриотизм» и велась антирусская пропаганда под флагом борьбы с царскими «русскими угнетателями» (с. 289).

Вообще автор склонен, на мой взгляд, переоценивать пресловутый сталинский «поворот к русскому патриотизму», который носил тактический характер и не был связан с отказом от коммунистических установок: «В ходе войны (Второй мировой. – В. П.) был распущен Коминтерн, свернута атеистическая пропаганда, закрыто общество “Безбожник”» (с. 289). Однако вместо Коминтерна был создан Коминформ, СССР и партия не отказались от руководства международным коммунистическим движением, Союз воинствующих безбожников стал называться более академично – обществом «Знание», а государственная атеистическая пропаганда была прекращена лишь во времена М. С. Горбачева.

Более того, утверждение Гришаева о том, что к концу 1920-х гг. в «верхнем эшелоне большевиков» произошел отказ от идеи “мировой революции” и выбран курс на построение социализма в одной стране» (с. 307–308), несостоятельно. Двадцатилетие Коминтерна торжественно отмечалось в 1939 г., тогда же на XVIII съезде партии провозглашались лозунги победы мировой революции в начавшейся «Второй мировой империалистической войне» и о том, что окончательная победа социализма может быть «только в мировом масштабе».

В этой связи Гришаевым подробно повествуется об очень интересном сюжете – совещании историков 1944 г., где как раз обсуждались вышеуказанные вопросы. Дискуссия, дозволенная партией, выявила, грубо говоря, два течения внутри советской историографии: «русско-патриотическое» и «интернационалистическое», причем первому было дозволено сосуществовать в рамках официальной идеологии и сильно не выходя за ее рамки (с. 292–297).

По мнению Гришаева, борьбе с «фашистской фальсификацией истории» также способствовали труды Б. Д. Грекова, так как «носили антинорманнский характер, разрушали бытовавшее представление об... отсталости восточного славянства по сравнению с народами... Европы того времени» (с. 248). Хотя, как известно, именно точка зрения норманизма на начальный этап истории Руси получила в общем и целом признание в российской науке. Норманизм в середине 1930-х гг. стал «антимарксистом».

Хотя понять, кто был большим марксистом, например, Б. Д. Греков или М. Н. Покровский, строго говоря, невозможно. Тем не менее, как бы придерживаясь точки зрения той эпохи, Гришаев считает марксистом именно Грекова, противопоставляя ему Покровского (с. 234). Тезис Грекова о переходе восточных славян от первобытно-общинного строя сразу к

феодалному, минуя рабовладельческий, хотя явно противоречил марксизму и теории «пятичленки», обоснованной самим Сталиным, тем не менее был принят советской историографией. Заметим, что, как потом выяснилось, «извратил» марксизм и сам И. В. Сталин, на «бессмертные» труды которого опирались советские историки. Строго говоря, исходя из логики той эпохи, все работы тогдашних историков следовало бы признать «немарксистскими», а значит, антинаучными. Но этого, по понятным причинам, сделано не было.

Характеризуя «Краткий курс истории ВКП(б)», Гришаев отмечает, что его надо «оценивать с позиции того времени», а не сегодняшней политической конъюнктуры, хотя сам автор и признает, что «Краткий курс» был позднее осужден за «субъективизм, догматизм и схоластику». При этом Гришаев, по сути, обошел вопрос об авторстве этого «шедевра марксистской мысли», личное участие в составлении которого принимал Сталин, отмечая, что предыдущие работы по истории партии были «низкого теоретического уровня». Улучшенные варианты «Краткого курса» стали в дальнейшем учебниками по «Истории КПСС». Эта, так сказать, «наука» преподавалась в советских вузах вплоть до 1991 г. (с. 260–262).

Вообще Гришаев отмечает, что к концу 1930-х гг. обозначился интерес советских историков к проблемам дорабовладельческой эпохи, особенно под влиянием идей Н. Я. Марра, на котором, на мой взгляд, автору следовало бы остановиться более подробно, поскольку его влияние на советскую историческую науку недооценено. Интерес к древней догосударственной истории объяснялся еще и тем, что вопреки официальным установкам на «актуальность» исследований они становились все опаснее. Об этом свидетельствуют приведенные Гришаевым данные о том, что число исследований по истории России (1861–1917 гг.) неуклонно сокращалось, в то время как исследований по предшествующим периодам становилось все больше (с. 266, 268). И многие «лучшие научные силы специализировались в области феодального периода истории» России (с. 306).

Борьба с различными уклонами, а потом и заговорами ставила крест на изучении на самом деле актуальных событий российской истории, поскольку активные их участники оказывались «врагами народа». Разумеется, речь об объективности даже не шла.

Воронежский государственный университет
Рылов В. Ю., кандидат исторических наук, доцент
кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения
E-mail: vyurylov@ya.ru

В 1930-е гг. возобладал тезис о народничестве, которое, как известно, предшествовало социал-демократии в России, как об антимарксистской идеологии, что также не способствовало его изучению и даже привело к сворачиванию исследований по этой проблематике (с. 254–255). Заметим также, что этот аспект коснулся не только народников, меньшевиков, репрессированных большевиков, но и всех «непролетарских» партий.

Переходя к заключению, стоит отметить, что рассматриваемая работа имеет основательную источниковую базу – использованы сотни наименований опубликованных источников и литературы. Отдельно следует подчеркнуть архивные документы: фонды архивов РАН, Института истории РАН, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Отдела рукописей РНБ. Упомянут Центральный архив общественных движений г. Москвы, но ЦА общественно-политической истории Москвы давно вошел в ЦГА Москвы, так же как и Государственный архив Октябрьской революции Ленинградской области – ЦГАОР Ленинграда – давно переименован и влился в Центральный государственный архив г. Петербурга.

Кроме того, на мой взгляд, следовало бы привлечь и фонды воронежских исторических архивов. Дело в том, что две видные фигуры исторической науки того периода – М. С. Ольминский и А. В. Шестаков – имели непосредственное отношение к Воронежу. Основатель и первый руководитель Истпарта Ольминский (Александров) был помещиком Бирюченского уезда Воронежской губернии (ныне Белгородская обл.), жил, учился и работал в Воронеже. Автор первого советского учебника истории СССР для начальных классов Шестаков также находился на партийной работе в Воронеже. Деятельность этих фигур нашла свое отражение в воронежской прессе того периода, зафиксирована она и в фондах воронежских архивов.

Вместе с тем работа О. В. Гришаева дает ясное, целостное представление о происходивших в советской исторической науке процессах, понимание которых позволяет прояснить историю СССР указанного периода. Работа заставляет по-новому взглянуть на уже знакомые сюжеты историографии и истории СССР и намечает дальнейшие пути исторических исследований.

Voronezh State University
Rylov V. Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of Modern Russian History,
Historiography and Documentology
E-mail: vyurylov@ya.ru